

Итак, после добавления такого «балласта», как Мо Синчжи, и в приступе ярости полковника Вана, за считанные секунды эта несчастная парочка оказалась в крайне опасной ситуации!

Но не стоит забывать, что у Мо Синчжи тоже есть родители!

— Как ты смеешь бить моего сына!

Госпожа Е тут же позвала охрану.

Четыре телохранителя, прошедших спецподготовку, быстро ворвались в комнату и, действуя сумбурно, попытались вмешаться в бой: ведь нужно же было остановить полковника, избивающего их молодого господина?

К сожалению, сам молодой господин только мешал им:

— Не бейте по-настоящему! Дядя Ван, успокойтесь, мы с Цзысяо действительно любим друг друга!

Услышав это, дядя Ван разозлился ещё сильнее и не собирался останавливаться.

Госпожа Е и госпожа Мо не обладали боевой подготовкой, чтобы вмешаться в драку, и могли лишь кричать со стороны:

— Полковник Ван, что вы ссоритесь с детьми? Они уже сдали гаокао, разве вы можете помешать им встречаться?

Эти четыре телохранителя в своё время были лучшими бойцами в спецназе. Хотя индивидуально они уступали полковнику Вану, вместе они определённо могли бы одержать верх. К сожалению, во-первых, они боялись задеть своего молодого господина, а во-вторых, в такой нелепой ситуации им было сложно действовать. В итоге полковник Ван, не сдерживая себя, легко отбивался от них, ставя их в весьма неловкое положение.

В этот момент Лэн Сяо, сокол, который до этого спокойно наблюдал со стороны, не смог больше смотреть, как его отца обижают. Издав громкий клич, он вступил в бой, хлопая крыльями и пытаясь клюнуть полковника Вана.

Гостиная Мо Синчжи была довольно просторной, но не могла выдержать такого «разрушения». Стук, звон разбивающейся посуды, повреждённые диваны, столы, стены и даже дверь — всё это за считанные минуты превратило комнату в настоящий хаос.

В этой напряжённой атмосфере Ван Цзысяо вдруг громко рассмеялся, даже схватился за живот, словно не мог сдержать смех.

Полковник Ван, разозлённый своим неблагодарным сыном, закричал:

— Чему смеёшься?! Сейчас я тебя убью!

Мо Синчжи также с недоумением смотрел на Ван Цзысяо. Оказывается, он не только с ним так себя ведёт, но и с собственным отцом не следует обычным правилам?

— Мне кажется, что вся эта суматоха похожа на сцену из какой-то семейной мелодрамы, ха-ха-ха... — продолжал смеяться Ван Цзысяо, но при этом сохранял ясность ума, уклоняясь от удара ногой отца и не забывая подать знак своему орлёнку держаться подальше от этой заварухи.

Услышав слова «семейная мелодрама», полковник Ван пошатнулся, чуть не упав от ярости!

Его неблагодарный сын, словно боясь, что отец не понял, пояснил:

— Папа, ты, наверное, не знаешь, что такое семейная мелодрама? Мы с Мо Синчжи — это несчастные влюблённые, а ты — злая свекровь, которая разлучает их. Только обычно злые свекрови подсовывают чек, а ты сразу пинаешь ногами! Посмотри, как либеральна тётя Е, а ты почему-то никак не можешь принять это?

Полковник Ван заорал:

— Если бы ты, негодяй, хоть немного приносил пользу, я бы тоже был либерален!

Ван Цзысяо широко раскрыл глаза:

— А я разве не приношу пользу?

Полковник Ван, уставший от долгой драки, остановился и, нахмурившись, сказал сыну:

— Пойдём со мной, поговорим наедине!

Ему было стыдно при всех ругать сына за то, что тот добровольно занял подчинённое положение.

Мо Синчжи взял Ван Цзысяо за руку и сделал шаг вперёд:

— Дядя Ван, я...

Полковник Ван громко крикнул:

— Заткнись!

Госпожа Е тоже крикнула:

— Как ты разговариваешь с моим сыном?!

Видя, что ссора вот-вот разгорится снова, Ван Цзысяо поспешил увести своего отца в свою спальню, по дороге оборачиваясь и успокаивая Мо Синчжи:

— Не волнуйся, со мной всё будет в порядке.

Полковник Ван пнул его!

На этот раз Ван Цзысяо не уклонился, а лишь весело похлопал по следу от ботинка, потом подошёл и обнял отца за плечи:

— Пнул тебя, теперь успокоился? Быть твоим сыном — это всё равно что быть грушей для битья.

Сказать честно, когда он только вернулся в прошлое, он вёл себя так решительно, потому что находился на перепутье своей судьбы, и его давние внутренние демоны нахлынули на него, не оставляя места для слабости или отступления. Но как только он разрешил эту «старую обиду», его душевные оковы спали, и теперь он жил свободно и счастливо, а те старые обиды больше не имели значения. Это позволило ему вести себя более раскованно с отцом, например,

впервые так «близко» обнял его за плечи.

Полковник Ван явно был не готов к такой близости с сыном, он дернул плечом:

— Отпусти! Что за безобразия!

К сожалению, несмотря на попытки стряхнуть руку, правая рука Ван Цзысяо крепко держалась, и странно, что отец больше не пытался её сбросить, позволяя сыну держаться так фамильярно.

— Что между вами происходит? — спросил полковник Ван, закрыв дверь спальни и хмуро глядя на сына.

— Я люблю его, он любит меня, вот и всё.

— Но как ты себя вёл! — снова вспыхнул полковник Ван. — Ты, ты...

— Эй, мы просто дурачились! — Ван Цзысяо лукаво улыбнулся. — Я ещё несовершеннолетний, ты слишком рано обо всём думаешь...

— Ты хочешь сказать?

— Хе-хе-хе...

Мо Цзюньюй и Е Жусун приехали поздравить Мо Синчжи с днём рождения — хотя по закону восемнадцать лет считается совершеннолетием, во многих знатных семьях предпочитают следовать старым традициям, и в древних книгах чётко написано, что мужчина становится взрослым в двадцать лет. Поэтому восемнадцать лет — это ещё маленький праздник, и не нужно устраивать большой шум... Видите, другие старшие родственники Мо Синчжи даже не появились.

Тётя Мо уже забронировала номер в лучшем клубе города, и Мо Синчжи не мог отказаться.

Полковник Ван не был дураком, и хотя Мо Синчжи искренне пригласил его, он вежливо отказался.

Перед уходом полковник Ван спросил Ван Цзысяо, не появлялись ли за последние дни какие-то странные люди.

Ван Цзысяо заволновался. Разве его упрямый отец так беспокоится? Может, это связано с его таинственной матерью?

Сказать честно, в прошлой жизни, дожив до тридцати с лишним лет, Ван Цзысяо так и не узнал, кто его мать.

Дома не было ни одного намёка на неё, отец тоже никогда не упоминал её, а сама она не появлялась. Ван Цзысяо тоже не интересовался её поисками.

В конце концов, они жили каждый своей жизнью. Разве он не прожил столько лет без матери?

Ван Цзысяо честно покачал головой.

Полковник Ван с облегчением вздохнул. Он хотел сказать Ван Цзысяо, чтобы тот не сотрудиничал с брендом «Императорский род», но решил, что раз никто не появлялся, то лучше

не напоминать сыну об этом. В итоге он промолчал.

Раньше он не смог остановить сына от входа в шоу-бизнес, а теперь, когда тот добился успеха, он уже ничего не мог поделать. В конце концов, полковник Ван ушёл, полный гнева.

По дороге домой он всё больше злился — зачем он вообще сюда пришёл? Какая ошибка!

Ван Цзысяо не пошёл с Мо Синчжи в клуб.

Мать и тётя Мо Синчжи не виделись почти полгода, зачем ему, чужому человеку, мешать?

Госпожа Е изначально вела себя так тепло с Ван Цзысяо, чтобы разозлить полковника Вана. Но, поговорив с ним несколько минут и оценив его манеры и поведение, она быстро поняла, что этот молодой человек, с которым её сын встречается, действительно невероятно выдающийся!

Ему всего сколько?

На год с лишним младше Мо Синчжи!

Талант Мо Синчжи уже был поразительным. С детства он всегда был «ребёнком из примера», оставляя своих сверстников в тени!

Но всё же из-за возраста в глазах госпожи Е он всё ещё был немного незрелым.

Ван Цзысяо был куда более пугающим.

Госпожа Е даже почувствовала, что если бы он не намеренно показывал свои способности, она бы точно недооценила его!

Интересно...

Госпожа Е взглянула на своего глупого сына.

Ван Цзысяо так тщательно всё продумал и открыто показал ей... Это говорило только о двух вещах.

Во-первых, он был полон решимости завоевать Мо Синчжи и делал это с искренностью.

Во-вторых, он имел право и способность стать партнёром Мо Синчжи!

И его такая сильная позиция не только не вызвала у госпожи Е отторжения, но и завоевала её искреннее уважение!

Лучше пусть её сын влюбится в такого «равного» ему человека, который явно искренне любит его, чем в какого-то бесполезного проходимца.

<http://bllate.org/book/16623/1522170>